

ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ ГЛАСНЫХ ПЕРВОГО СЛОГА ФИННО-УГОРСКОЙ ОСНОВЫ СЛОВА В МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ

Мосин Михаил Васильевич,

*доктор филологических наук,
профессор кафедры финно-угорской филологии
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ), finugor@rambler.ru*

Мосина Наталья Михайловна,

*доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорской филологии
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ), natamish@rambler.ru*

Фонетическая система является одним из важнейших уровней языка. Изучение структуры и особенностей этой системы позволяет проследить как современное состояние, так и историю развития языка.

Развитие фонетической структуры финно-угорской основы слова в мордовских языках рассматривается на основе сравнительно-исторического метода. Система гласных первого слога в словах современных мордовских языков сопоставляется с реконструированными формами основы, восходящими к финно-угорским праязыковым единствам (уральскому, финно-угорскому, финно-пермскому и финно-волжскому) и их этимологическим соответствиям в финском и эстонском языках.

В статье представлен анализ эволюции гласных первого слога финно-угорского слова в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках. На основе достижений современного финно-угроведения прослеживаются фонетические процессы в области гласных первого слога, преобразовавшие первичную основу слова. Описание особенностей вокализма первого слога в мордовских языках проводится в плане сопоставления с реконструированными формами финно-угорского праязыка и сравнения с этимологическими соответствиями в финском и эстонском языках.

Сравнительный анализ системы гласных первого слога финно-угорской основы слова в современных мордовских языках с их этимологическими соответствиями в финском и эстонском языках позволил обнаружить фонетические процессы, изменившие структуру языков, причем одних – в меньшей степени, других – значительно.

Ключевые слова: мордовские языки; гласный; согласный; язык-основа; финский язык; эстонский язык; этимология.

Для цитирования: Мосин М. В., Мосина Н. М. Особенности эволюции гласных первого слога финно-угорской основы слова в мордовских языках // Финно-угорский мир. 2018. № 3. С. 53–63.

Введение

В сравнительно-историческом финно-угроведении обосновано, что после отделения (в конце III тыс. до н. э.) от финно-угорского праязыка угров (венгров, ханты и манси), а позднее (в середине II тыс. до н. э.) пермяков (коми и удмуртов) мордовские, марийский и прибалтийско-финские языки составляли финно-волжскую общность.

Актуальность данной темы заключается в том, что относительно исторических взаимосвязей языков финно-волжской общности в финно-угристане существу-

ют разные точки зрения. Особенно многочисленные споры вызывает вопрос о так называемой волжской языковой общности мордовских и марийского языков. Одни ученые возводят эти языки к отдельной подветви финно-волжской общности, другие, наоборот, не признают существования единого для мордовских и марийского языков особой ветви волжского языка-основы. Такая противоположность суждений, на наш взгляд, объясняется тем, что существование финно-волжской общности, как указывают финно-угроведы, было

непродолжительным [12], но и малоизученностью проблемы исторических взаимосвязей между ее ветвями: мордовскими и марийскими языками, с одной стороны, волжскими (мордовскими и марийским) и прибалтийско-финскими – с другой. В статье системно и подробно, с применением количественной обработки материала рассматривается вокализм первого слога именных и глагольных основ в мордовских языках с их этимологическими соответствиями в прибалтийско-финских языках.

Целью исследования является определение генетического тождества элементов в системе гласных в рассматриваемых языках и реконструированных праязыковых звуках; выявление фонетических процессов в области гласных, преобразовавших фонетическую структуру первичной основы слова праязыка в мордовских языках.

Обзор литературы

Относительно исторических связей прибалтийско-финских, мордовских и марийских языков и отношения их к финно-волжской общности в финно-угроведении существуют разные точки зрения. Согласно утвердившимся мнениям о степени общности мордовских и марийских языков К. Е. Майтинская выделяет два направления: одни ученые (М. Жирли, Ю. Тойвонен, Д. Дечи) возводят эти языки к отдельной подветви финно-волжской общности, другие (Г. Берецки, Д. Гено) – не признают существования единства, третьи (Э. Итконен, Б. А. Серебренников) считают вопрос об отдельной общности этих языков нерешенным [7].

Взглядов представителей первой группы придерживались Л. П. Грузов¹, И. С. Галкин [3], мнение второй группы разделяет К. Хякиннен [20]. Ряд исследователей, такие, как Л. Хакулинен [13], Е. Хелимский [14], Д. В. Цыганкин² и др., допускают существование лишь финно-волжской общности.

В процессе изучения лингвистического материала языков, причисляющихся к финно-волжской группе, финно-угроведы убеждаются в том, что наибольшее сходство имеют прибалтийско-финские и мордовские языки. Их тесные связи на лексическом, фонетическом и морфологическом уровнях отмечают П. А. Аристэ [2], А. П. Феоктистов [11], Б. А. Серебренников [9], Г. Берецки [17], Д. Т. Надькин [8], П. Хайду [12].

Учитывая важность изучения проблемы общности финно-волжских языков, в предлагаемой статье, опираясь на обобщающие исследования по сравнительно-исторической фонетике финно-угорских языков Е. Н. Сетяля [26], Й. Синнеи [28], Х. Паасонена [24; 25], В. Штейница [27], Э. Итконена [21; 22], Б. Коллиндера [18], В. И. Лыткина [5; 6], П. Аристэ [2], П. Алвре [1; 15; 16], А. П. Феоктистова [11], Ю. Янхунена [23], Д. В. Цыганкина³, Д. Т. Надькина [8], Г. И. Ермушкина [4] и др., сделан сравнительно-исторический анализ причин преобразования и тенденций развития системы гласных первого слога финно-угорской основы слова.

Материалы и методы

Материалом для данного исследования послужила лексика (именные и глагольные основы), сохранившаяся в сравниваемых языках. Благодаря этимологическим исследованиям материалы мордовских (мокшанского и эрзянского) языков сопоставлены с реконструированными формами финно-угорского (уральского) праязыка и их этимологическими соответствиями в прибалтийско-финских (финском и эстонском) языках. Гласные первого слога именных и глагольных основ мордовских языков с помощью количественной обработки подвергнуты сравнению со звуковыми основами финского и эстонского языков. В результате анализа описание звукового состава общих основ показало, что гласные первого слога слова в финском и эстонском языках, за не-

¹ См.: Грузов Л. П. Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика: учеб. пособие для вузов. Йошкар-Ола, 1969.

² См.: Цыганкин Д. В. Мордовские языки // Мордва: ист.-этногр. очерки. Саранск, 1981. С. 50–58

³ Там же.

которым исключением сохранились без изменения, в мордовских же в результате определенных фонетических процессов претерпели изменения.

Результаты исследования и их обсуждение

Гласные финно-угорского праязыка в процессе развития в каждом языке претерпели более значительные перемены, чем согласные. В звуковых соответствиях между гласными также больше расхождений, чем между согласными [6]. По мнению большинства финно-угроведов, прибалтийско-финские языки, главным образом финский, эстонский и водский, лучше других финно-угорских языков сохранили вокализм финно-угорского языка-основы [18]. Что касается мордовских языков, то в них финно-угорский вокализм подвергся более значительным изменениям [10]. Тем не менее близость гласных мордовских языков с прибалтийско-финским вокализмом очевидна⁴.

Учитывая сказанное, мы использовали этимологические соответствия из финского и эстонского языков.

Большинство финно-угроведов склоняются к тому, что в состав гласных первого слога финно-угорского языка-основы входили: 1) палатальные (переднерядные) – *a*, *e*, *ï*, *i*; 2) велярные (заднерядные) – *a*, *o*, *u*, а также *ɛ*. Наряду с ними наличествовали и долгие гласные *ē*, *ī*, *ō*, *ū*, *ǣ*. В процессе изучения развития каждого гласного обнаружено, с одной стороны, значительное число тождественных звуковых соответствий в мордовских, финском и эстонском языках, с другой – наличие изменений праязыковых звуков, наблюдаемых в большей степени в мордовских языках, ср.: ф.-у. **a* > мд. *a*, *o*, *u*, *e*, *i*, ф. *a*, эст. *a*, *ä*, *õ* (*õ*).

В абсолютном большинстве именных и глагольных основ, наличествующих в рассматриваемых языках, финно-угорский гласный **a* в первом слоге слова сохранился без изменения, ср.: ур. **ala* ‘низ’ > мд. *aldo* / *alda* ‘снизу’, ф., эст. *ala* ‘низ’; ур. **kala* > мд. *kal*, ф., эст. *kala* ‘рыба’;

ф.-п. **para* ‘хороший’ > мд. *paro* / *para* ‘хороший, добрый’, ф. *parempi*, эст. *parem* ‘лучше’; ф.-у. **walka-* > мд. *valgoms* / *valgəms* ‘слезть, спуститься’, ф. *valkama*, эст. *valgam* ‘пристань’ и т. д.

В результате лабиализации в нескольких мордовских соответствиях вместо ф.-у. **a* выступают *u* или *o*, ср.: ф.-п. **jaks-a-* ‘развязать, освободить’ > мд. *juks'ems* / *juks'əms* ‘распрягать, развязать’, ф. *jaks-saa*, эст. *jaksama* ‘мочь, быть в состоянии’; доперм. **č8kkz-* ‘бить, поражать’ > мд. м. *čukams* ‘отделять мякину от зерна’, ф. *hakata* ‘бить, ударять’, эст. *hakkama* ‘начинать’; ф.-п. **talpa* ‘клин’ > мд. *tulo* / *tula* ‘пробка, запор’, эст. *talb* (*talva*) ‘клин’; ур. **was'ka* ‘железо (металл)’ > мд. э. *us'ke* ‘провода’, ф. *vaski*, эст. *vask* (*vase-*) ‘медь’; доперм. **tzmz* > мд. *tumo* / *tuma*, ф. *tammi*, эст. *tamm* (*tamme-*) ‘дуб’ и т. д.

Переход ф.-у. **a* в *o* в мордовских языках происходит перед полугласными *j* и *v*, ср.: ур. **pajz* ‘ива’ > мд. *poj* / *poju* ‘осина’, ф., эст. *paju* ‘ива’; доперм. **s'8wzj* > мд. *s'ovon'* / *s'ovən'*, ф., эст. *savi*, диал. *sau* ‘глина’; мд. *ojme* / *vajme* ‘дыхание, душа’, ф. *vajmo* ‘жена, супруга’, эст. *vaim* (*vaima-*) ‘дыхание, дух’. Следует отметить, что в позиции перед полугласным *v* переход ф.-у. **a* в *o* отмечается и в ливском языке, ср.: лив. *koval*, ф. *kavala*, эст. *kaval* ‘хитрый, умный’; лив. *sova*, ф. *sauva*, эст. *sau* ‘палка’.

Процесс сужения ф.-у. **a* в мордовских языках претерпел в нескольких словах. В результате этого вместо него появляются *i* или *e*, ср.: ф.-п. **maja* > мд. *m'ijav*, *m'ijal*, ф. *majava*, эст. *majaja*, *majajas* ‘бобр’; ф.-у. **wara* > мд. *v'ir'*, ф. *vaara* ‘лес’; ф.-у. **sala* > мд. э. *s'el'ej* ‘вяз’, ф. *salava*, эст. *halapaju* ‘ива’; ур. **was'ka* ‘железо (металл)’ > мд. м. *vis'kä* ‘провода’. Обращает на себя внимание тот факт, что этот процесс происходит в позиции перед мягким парным согласным или между ними. Подобное явление отмечено и в эрзянских диалектах, где вместо литературного *a* выступает *e*, ср.: *pr'es'* – лит. *pr'as'* ‘голова (та)’; *s't'es'* – лит. *s't'as'* ‘он встал’.

Финно-угорский **a* претерпел изменения в некоторых случаях и в эстонском языке. В позиции после *j* он трансформи-

⁴ См.: Цыганкин Д. В. Указ. соч.

ровался в *ä*, ср.: эст. *jägu*, ф. *jako* ‘часть’; эст. *jätkata*, ф. *jatkaa* ‘продолжать’. Это явление характерно и для ливского языка, ср.: лив. *sv, säiv* (< **savi*), ф. *savi*, эст. *savi, sau* ‘глина’; лив. *laps*, ф. *lapsi*, эст. *lapsi* ‘ребенок’. В отдельных основах вместо ф.-у. **a* в эстонском выступает *õ* (э), ср.: эст. *sõna*, ф. *sana* ‘слово’; эст. *põlema*, ф. *palaa* ‘гореть, пылать’.

Ф.-у. **ä* > мд. *ä, e, i*, ф., эст. *ä*. Данный звук хорошо сохранился в прибалтийско-финских языках. Из 47 выявленных нами общих основ в 40 этимологически общих соответствиях финского и эстонского языков ф.-у. **ä* выступает без изменения. В мокшанском языке этот звук присутствует в исконном виде в значительной части основ, и лишь в некоторых основах он трансформировался, главным образом сузился. В результате этого возникли следующие соответствия.

1. Основы, в которых ф.-у. **ä* в мокшанском выступает без изменения, а в эрзянском закономерно появляется *e*, ср.: ф.-у. **jäne* > мд. *ei / äi*, ф. *jää*, эст. *jää* ‘лед’; ф.-у. **käte* > мд. *ked' / käd'*, ф. *käsi*, эст. *käsi* ‘рука’; ф.-у. **mälke / mälye* > мд. м. *mälkä*, ф. *mälvi*, эст. *mälv* ‘грудь (у птицы)’; ф.-у. **kälä-* > мд. *kel'ems / käl'äms* ‘перейти вброд’; доперм. **cäjärz* > мд. *s'ejer', s'ejer'ks / s'äjär'*, ф. *sääri*, эст. *säär* ‘голень’ и т. д.

2. Основы, в которых вместо ф.-у. **ä* как в эрзянском, так и в мокшанском появился *e* (таких основ несколько), ср.: ур. *kämä* > мд. *keme / kemä*, ф. *kämä* ‘крепкий, твердый’; доперм. **päkkä* > мд. *peke / pekä* ‘живот’, ф. *päkkä*, эст. *päkk (päka-)* ‘мякоть ноги’; ур. *päjz* ‘голова’ > мд. *pe* ‘конец, предел’, ф. *pää* ‘голова’; ур. **täwz* > мд. *t'evil'av / t'evl'al, t'evl'äv*, ф. *tävy*, эст. *tää*, диал. *tävi* ‘легкие’. Переход ф.-у. **ä* в *e* в эрзянском и в некоторых случаях в мокшанском языках наблюдается в основном перед согласными *v, ŋ*, иногда перед мягкими согласными *t', s', l'* и перед *j*.

3. Основы, в которых вместо ф.-у. **ä* в мордовских выступает *i*, ср.: ур. **kälzvw* ‘золовка, деверь’ > мд. э. *kijalo* ‘золовка’, ф. *käli* ‘свояченица’; ф.-у. **säje* > мд. *sij* ‘гной’, эст. *sisi* ‘внутренний’; доперм. **wake* > мд. *vij / vi* ‘сила’, ф. *väki* ‘на-

род, люди’, эст. *vägi* ‘сила’; ф.-в. **säkä-* > мд. *sija / sijä*, ф. *säkä*, эст. *sägä* ‘сом’; ф.-у. **täje* > мд. *s'ij / s'i*, ф. *täi*, эст. *täi* ‘вошь’; доперм. **tškšz-* > мд. *t'ikše / t'iše* ‘сено’, ф. *tähkä*, эст. *tähk* ‘колос’.

Последние примеры показывают, что сужение ф.-у. **ä* в мордовских языках в *i* происходит в позиции перед согласным *k* и полугласным *j*. Из прибалтийско-финских языков сужение ф.-у. **ä* в *ë* наблюдается в ливском языке. Оно происходит в том случае, если во втором слоге присутствует *i*, ср.: лив. *këžž*, ф., эст. *käsi* ‘рука’.

Анализ слов с гласным **ä* в первом слоге показывает, что данный звук характерен главным образом для именных основ, из глагольных он обнаружен только в трех: ф.-у. **näke-* > мд. *n'ejems / n'äjems*, ф. *nähä*, эст. *nähä* ‘видеть’; доперм. **sšrz-/ *särz-* > мд. *ser'ed'ems / s'är'äd'ems*, ф. *särkeä*, эст. *särgema* (заимствование из финского языка) ‘болеть’; ф.-у. **kälä-* > мд. *kel'ems / käl'äms*, ф. *kahlata*, эст. *kahlata* ‘переходить в брод’.

В мокшанском языке в одной из основ отмечается лабиализация ф.-у. **ä*, ср.: ур. **wäjz* > мд. м. *ov*, ф. *vävy*, эст. *väi* ‘зять’. Переход ф.-у. **ä* в *o* в мокшанском языке обусловлен, вероятно, ассимилятивным влиянием полугласного *w*: ур. **wäjz* > домд. **wavz* > **wovz* > общемд. **ovz* > мд. м. *ov*. Процесс лабиализации происходит и с ф.-у. гласным **ä* в эрзянском языке, ср. *ojme / vajme* ‘дух, дыхание’, ф. *vajmo* ‘жена’, эст. *vajm* ‘дух, дыхание’.

Ф.-у. **e* > мд. *e, ä, i*, ф. *e*, эст. *e, ä, i*.

1. Основы, в которых ф.-у. **e* сохранился без изменения как в мордовских, так и в прибалтийско-финских языках, ср.: ф.-у. **mete* > мд. *med'*, ф., эст. *mesi* ‘мед’; ур. **wete* > мд. *ved'*, ф., эст. *vesi* ‘вода’; ур. **pele-* > мд. *pel'ems / pel'äms*, ф. *pelätä*, эст. *peljata* ‘бояться’; ур. **mene-* ‘идти, ехать’ > мд. *men'ems* ‘вырваться’, ф. *mennä* ‘идти, пойти’, эст. *minema*; ф.-у. **wedz* ‘северный олень’ > мд. *vedr'ekš, ved'aka / vedraž* ‘телка’, эст. *veis* < *vedis* < *vedama* ‘бык, корова’; мд. *pezems / pezäms* ‘мыть голову’, ф. *pestä (pese-)*, эст. *pesema* ‘мыть, мыться’ и т. д.

2. Основы, в которых ф.-у. *e в мокшанском трансформировался в ä, в других остался без изменения, ср.: ф.-у. *kere ‘кора, корка’ > мд. ker’ / kär’ ‘кора (дерева)’, ф. kerī, эст. kere ‘лыко’; ур. *nere ‘нос’ > мд. n'er’ / n'är’ ‘клюв, острие’; ур. *wetä- > мд. vet'ams, ved'ams / vät'äms ‘вести’, ф. vetää, эст. vedama ‘вести, тянуть’ и т. д. В эстонском языке переход ф.-у. *e в ä отмечается в некоторых основах перед согласным r, ср.: эст. pärä, ф. perä ‘задняя часть’, эст. äratama, ф. herättää ‘разбудить’.

3. Основы, в которых ф.-у. *e в мордовских языках претерпел процесс сужения, вследствие чего преобразовался в i, в финском и в большинстве случаев в эстонском языках остался без изменения, ср.: ф.-у. *kesä ‘лето’ > мд. kizē / kiza ‘лето, год’, ф. kesä, эст. kesa ‘лето’; ф.-п. *mela > мд. milä, ф. mela, эст. möla ‘весло’; ф.-у. *neljä > мд. n'il'e / n'il'ä, ф. neljä, эст. neli (nelja) ‘четыре’; ф.-у. *pene > мд. pin'e / pin'ä, ф., эст. peni ‘собака’; ф.-у. *repä (s'z) > мд. э. r'ivez', ф. repo, эст. rebane ‘лиса’; ф.-у. *s'epä ‘шея’ > мд. s'ive / s'ivä ‘ворот’, ф. sepä, эст. seba ‘передние прутья в крестьянских санях’ и т. д.

Переход ф.-у. *e и общемордовского *e в i отмечен в мокшанском икающем диалекте.

Ф.-у. *i > мд. i, e, o, ф., эст. i, e. Рассматриваемый звук хорошо сохранился в прибалтийско-финских языках, в мордовских же в одних случаях не изменился, в других претерпел расширение, в третьих – лабиализацию. В связи с этим ф.-у. *i в мордовских языках имеет различные корреспонденции.

1. Основы, в которых ф.-у. *i сохранился без изменения и в прибалтийско-финских, и в мордовских языках, ср.: ф.-у. *jikä / *ikä > мд. ije ‘год’, ф. ikä, эст. iga ‘возраст, век’; мд. inže / indži ‘гость’, ф. ihmīnen, эст. inimene ‘человек’; мд. kir'ems / kir'äms ‘сокращаться’, ф. kireä ‘тугой, тесный’, kiristää ‘затягивать, подтягивать’, эст. kiristada ‘закать, жать’; мд. piz'ems / piz'äms ‘идти (о дожде)’, piz'eme / piz'am ‘дождь’, ф. pisara ‘капля’, pisaroida, pisartaa ‘капать’, эст. pisar ‘слеза, капля’, pisama ‘моросить’; ф.-у. *pičla > мд. piz'ol /

piz'al, ф. pihlaja, эст. pihlakas, диал. pihl ‘рябина’.

2. Основы, в которых ф.-у. *i в мордовских языках в процессе расширения трансформировался в e, в прибалтийско-финских остался без изменения, ср.: ф.-у. *kiwe > мд. kev, ф., эст. kivi ‘камень’; ур. *nimi > мд. l'em, ф., эст. nimi ‘имя’; ур. *pije > мд. pej ‘зуб’, ф., эст. pii ‘зуб, зубец’; ф.-п. *pišz ‘тиски, светец’ > мд. м. peš ‘светец’, мд. э. peščuvto ‘рукоятка сковороды, ухват’, ф., эст. pihid ‘тиски, щипцы, клещи’; ур. *silmä > мд. э. s'el'me, ф. silmä, эст. silm ‘глаз’ и т. д.

3. Основы, в которых ф.-у. *i в мордовских языках лабиализовался и перешел в o, в прибалтийско-финских сохранился без изменения, ср.: ф.-у. *ic'ä ‘отец, большой’ > мд. м. *oc'a ‘брат отца’, oc'u ‘большой’, ф. isä, эст. isa ‘отец’ < и.-е. санскр. ica ‘собственник’; ф.-у. *wišz ‘зеленый’ > мд. ožo ‘желтый’, ф. vihreä ‘зеленый’; доперм. *n'ila ‘сок, соковыделение’ > мд. nola ‘древесный сок’, ф. nila ‘сок дерева’.

Ф.-у. *i / *ü. Особо следует выделить основы с гласным *i / *ü в первом слоге слова. В финском языке вместо него выступает у, в эстонском – ü, в мордовских языках он имеет разные корреспонденции: в одних случаях – u, в других – e, в третьих – o:

1) мд. u, ср.: ур. *kije / *küje > мд. kuj / guj ‘змея’, ф. куу, эст. küü ‘медянка’; ф.-у. *widz-me / *wüdz-me > мд. э. ud'em, ф. ydin, эст. üdi ‘мозг’;

2) мд. e, ср.: ф.-у. *miñä / *müñä ‘задняя часть’ > мд. mejl'e / mel'ä ‘потом, после’, mekej / meki ‘обратно, назад’, ф. myöhä ‘поздний’; ф.-у. *kün'ä (kin'ä) / *künä (kinä) > мд. ken'er' / ken'är', ф. куунärä, эст. küüinar ‘локоть’; ф.-у. *s'ilke / *s'ülke > мд. s'el'ge / s'el'gä ‘слюна’, s'el'gems / s'el'gäms ‘плюнуть’, ф. sylkeä, эст. sülgama, sülitama ‘плюнуть’; ур. *s'id'z / *s'üd'z > мд. s'ed'ej, s'ed'eñ / s'ed'i, ф. sydän (sydäme-), эст. süda ‘сердце’; ф.-у. *tiñel' / *tüñe ‘комель’ > мд. t'e-, t'ej- послелог, ф. tyvi (tyve-), эст. tiivi (tiive-) ‘ствол’; ф.-у. *sile / *süle > мд. sel' / s'el', ф. syli, эст. süli ‘сажень’; ф.-у. *ikte / *ükte > мд. vejke', ф. yksi (yhde-), эст. üks (ühe-) ‘один’ и т. д.;

3) мд. *o*, ср.: ур. **piŋe* / **püŋe* ‘рябчик’ > мд. *povo* / *povn'ä*, ф. *pyu*, эст. *püü* ‘куропатка’.

Ф.-у. **ü* > мд. *e*, *i*, ф. *y*, эст. *ü*. Данный звук хорошо сохранился в прибалтийско-финских языках, в мордовских сначала редуцировался, а затем произошло его прояснение: ф.-у. **ü* > прамд. *ъ* (*ə*) > мд. *e*. В результате этого в общих основах финно-угорскому и прибалтийско-финскому *ü* в мордовских языках соответствует *e*, а в некоторых основах – *i*:

1) мд. *e*, ср.: ф.-п. **külmä* > мд. *kel'me* / *kel'mä*, ф. *kylmä*, эст. *külm* (*külmä*) ‘холод, холодный’; ур. **küŋče* > мд. *kenže* / *kendže*, ф. *kyŋsi* (*kynte-*), эст. *küüs* ‘ноготь’; ур. **s'üð'e* ‘жар, уголь’ > мд. м. *s'ed'*, ф. *sysi*, эст. *süsi* ‘уголь’; ур. **wülä-* ‘верхний’ > мд. *vell'ks* ‘верх, верхняя часть’, ф. *ylä-* / *yllä* ‘над, выше’, эст. *ülä-* ‘верхний’;

2) мд. *i*, ср.: ф.-у. **c'üklä* / **c'ükl'ä* > мд. *s'il'ge* / *s'il'gä*, ф. *syylä*, диал. *syklä* ‘бородавка’; доперм. **süŋä* > мд. *tšiv* / *tšivä*, ф. *huvä*, эст. диал. *hüva* ‘хороший’.

Ф.-у. **o* > мд. *o*, *u*, ф. *o*, *u*, эст. *o*, *u*, *ô*. Гласный **o* в сравниваемых языках получил неодинаковое развитие: в финском в большинстве основ он сохранился без изменения, в мордовских трансформировался во многих основах в *u*, а в эстонском – в *ô*. Учитывая разнообразие его соответствий в данных языках, общие основы с ф.-у. **o* можно разделить на пять типов.

1. Основы, в которых ф.-у. **o* сохранился без изменения в обеих ветвях языков, ср.: ф.-у. **okte* > мд. *ovto* / *ofta*, ф. *ohto*, эст. *ott* ‘медведь’; ф.-у. **olge* > мд. *olgo* / *olga*, ф. *olki* (*olje-*) ‘солома’; ур. **joke* ‘река’ > мд. м. диал. *Jov* ‘река Мокша’, ф. *joki* ‘река’; ф.-у. **kolme* > мд. *kolmo* / *kolma*, ф. *kolme*, эст. *kolm* ‘три’; мд. м. *ponda* ‘туловище’, ф. *ponsi* ‘сила, основа’; мд. *sorma* / *s'orma* ‘складка, морщинка’, ф. *horma*, эст. *hormane* ‘морщинка’; ф.-п. **ponča-* ‘решето, сито’ > мд. *ponžavtoms* / *pon'džaftoms*, ф. *pohtaa* ‘веять, вздуть’. Следует отметить, что таких основ выявлено очень мало.

2. Основы, в которых ф.-у. **o* сохранился в финском и эстонском языках, а в мордовских трансформировался в *u*, ср.: ф.-у. **kota* ‘хижина’ > мд. *kudo* / *kud* ‘дом’, ф. *kota* ‘шалаш’, эст. *koda* ‘сени, дом’ <

и.-е. авест. *kata* ‘кладовая’; ф.-у. **ora* > мд. *uro* / *ura* ‘шило’, ф. *ora* ‘колючка, шип’, эст. *ora* ‘стержень, шило’ < и.-е. санскр. *ārā* ‘шило’; ф.-у. **wolę-* > мд. *ul'ems* / *ul'äms*, ф. *olla*, эст. *olema* ‘быть’.

3. Основы, в которых ф.-у. **o* сохранился в финском языке, в мордовских перешел в *u*, в эстонском в *ô*, ср.: ф.-у. **kopa* > мд. *kuvo* / *kuva* ‘кора’, эст. *kôba* ‘сосновая кора’; ф.-у. **omte* > мд. *undo* / *unda*, ф. *onsi*, эст. *ôôs* (*ôône*) ‘дупло’; ф.-у. **towke* > мд. *tundo* ‘весна’, ф. *touko*, эст. *tôug* ‘яровой, посев’; ур. **totka* ‘линь’ > мд. *tutka*, ф. *totki*, эст. *tôtkes* ‘налим’; ф.-у. **s'odka* ‘нырок’ > мд. *s'ulgo* / *s'ulgä*, ф. *sotka*, эст. *sôtkes* ‘пестрая чайка’ и т. д.

А. Генетц считает, что начальное ф.-у. **o* в первом слоге в мордовских языках сохраняется в том случае, если во втором слоге праосновы присутствует *e* [19].

Имеются этимологические соответствия, финно-угорские основы которых остались нереконструированными. В них прибалтийско-финский *o* соотносится с мордовским *u*. Следует отметить, что эти соответствия подтверждают обоснованную точку зрения Генетца об условиях перехода ф.-у. **o* в мд. *u*, ср.: мд. *pukšo* / *pukša* ‘бедро’, ф. *potka* ‘задняя нога (животных)’, эст. *pôtk* ‘мышца, мускул’; мд. *s'ulmo* / *s'ulma*, ф. *solmu*, эст. *sôlm* ‘узел’; мд. *sur*, ф. *sormi*, эст. *sôrm* ‘палец’ и т. д.

4. Основы, в которых ф.-у. **o* в мордовских языках сохранился, в прибалтийско-финских трансформировался в *u*, ср.: ф.-у. **kodz* > мд. *kodams*, ф. *kutoa*, эст. *kuduma* ‘ткать, плести’; ф.-п. **norz* ‘хлеб, зерно’ > мд. *norov* / *noru* ‘хлеб’, ф. *nurmi* (*nurme-*), эст. *nurm* (*nurma-*) ‘нива’. Таких соответствий отмечено всего два.

5. Основы, в которых ф.-у. **o* подвергся процессу сужения в обеих ветвях языков, ср.: ур. **kowse* > мд. *kuz*, ф. *kuusi*, эст. *kuusk* ‘ель’; ур. **toyz* > мд. *tujems* / *tujäms*, ф. *tuoda*, эст. *tuua* ‘приносить’. Сужение ф.-у. **o* в *u* произошло также в ливском языке, ср.: лив. *umar'*, ф. *omena*, эст. *ôun* ‘яблоко’: лив. *um*, ф., эст. *ota* ‘свой, собственный’.

Ф.-у. **u* > мд. *u*, *o*, ф. *u*, эст. *u*, *o*. Данный звук хорошо сохранился в прибалтийско-финских языках, в мордовских же в большей части основ трансформировался в *o*.

Исходя из соответствий ф.-у. **u* в данных языках, основы можно разделить на следующие группы.

1. Основы, в которых ф.-у. **u* сохранился в обеих ветвях языков, ср.: ф.-у. **kuje* ‘жир, масло’ > мд. *kuja*, ф. *kuu* ‘жир, сало’; ф.-у. **učz* > мд. *uča*, ф. *uuhi*, эст. *uhe* ‘овца’; ур. **uje-* > мд. *ujems / ujəms*, ф. *uida*, эст. *ujita* ‘плыть’ и т. д.

2. Основы, в которых ф.-у. **u* в финском и эстонском языках не претерпел изменений, а в мордовских трансформировался в *o*, ср.: ф.-у. **ud'e / *wud'e* > мд. *od*, ф. *uusi*, эст. *uus* ‘новый’; ур. **tulka / *sulka* > мд. *tolga*, ф. *sulka*, эст. *sulg* ‘перо’; ур. **luke-* ‘читать, считать’ > мд. э. *lovoms*, ф. *lukea*, эст. *lugema* ‘читать’; ф.-у. **pučkz* > мд. *počko / počka*, ф. *putki*, эст. *putk* ‘стебель’ и т. д.

Как в финском, так и в эстонском языке почти все основы сохранили ф.-у. **u*. Исключение составляют такие основы, как мд. м. *kumba* ‘кочка в болоте’, ф. *kumpu* ‘пригорок, холм’, но эст. *komb* (род. *komba*) ‘холм’; ф.-у. **kunta* ‘род’ > мд. м. *kon'd'a* ‘товарищ, друг’, мд. э. *kon'd'a: sonze kon'd'a* ‘так, как он’, ф. *kunta* ‘община, волость’, но эст. *-kond: inimkond* ‘человечество’. В эстонском языке в некоторых основах вместо ф.-у. **u* выступает *o* только при словоизменении и словообразовании: *tuba* ‘комната’ – *toas* ‘в комнате’, *lugema* ‘читать’ – *loen* ‘чтение’.

Наряду с краткими гласными согласно признанному в финно-угроведении положению в праязыке наличествовали также долгие гласные [6, 192]. По мнению Е. Итконена, «...в мордовских языках долгие гласные получили иное развитие, чем краткие» [21, 90].

Следы долгих гласных праязыка обнаруживаются в следующих общих основах в мордовских языках, ср.: ф.-у. **ē* > мд. *e / ä*, *i*, ф. *ie*, эст. *ee*:

1) мд. *e / ä*, ф. *ie*, эст. *ee*, ср.: ур. **kēle* > мд. *kel' / käl'*, ф. *kieli*, эст. *keel* ‘язык’; ф.-у. **lēme* ‘сок, суп’ > мд. *l'em / l'äm*, ф. *liemi*, эст. *leem* ‘суп, бульон’; ф.-у. **pele* ‘косяк’ > мд. м. *päl'* ‘шест’, ф. *pieli* ‘косяк’, эст. *peel* ‘мачта, жердь’; ф.-у. **nēre* > мд. *n'er' / n'är'* ‘клюв, морда’;

2) мд. *i*, ф. *ie*, эст. *ee*, ср.: ур. **nēle-* > мд. *n'il'ems / n'il'əms*, ф. *niellä*, эст. *neelama*

‘глотать’; ф.-у. **sēme-* ‘пить’ > мд. *s'imems / s'iməms*, ф. *siemaista, siemaita* ‘глотнуть’.

Ф.-у. **ī* > мд. *i*, ф. *ii, ie*, эст. *ii*. Долгий **ī* хорошо сохранился в финском и эстонском языках, в мордовских же ему соответствует краткий *i*, ср.: ф.-у. **wīka-* / **vīje-* ‘нести, носить’ > мд. *vijems / vijəms*, ф. *viedä*, эст. *viima* ‘нести, отнести’, доперм. **pīre* > мд. *pir'e* ‘огород’, ф. *piiri*, эст. *piir* ‘граница, рубеж’. Следует отметить, что таких основ в сравниваемых языках весьма незначительное количество.

Ф.-у. **ō* (по Редее **ē*) > мд. *o, a, u*, ф. *uo*, эст. *oo, uu*. Следы финно-угорского **ō* в изучаемых языках обнаруживаются в следующих основах: мд. э. *jon* ‘разум, рассудок’, ф. *juoni* ‘ряд, вереница’, эст. *joon* ‘линия, черта’; ур. **δ'eme* > мд. *l'om / lajme*, ф. *tuomi*, эст. *toom* ‘черемуха’; ур. **n'ēle* > мд. *nal*, ф. *nuoli*, эст. *nool* ‘стрела’; ур. **sonē / *sēne* > мд. *san*, ф. *suoni*, эст. *soon* ‘жила’; ф.-у. **s'ēme* > мд. м. *s'av*, ф. *suomi*, эст. *soomus, soome* ‘чешуя’; мд. *kon'a* ‘лоб’, ф. *kuono*, эст. *koon* ‘морда, рыло’; мд. *pola*, ф. *puoli*, эст. *pool* ‘супруг, супруга’; ф.-у. **s'ōle* > мд. *s'ulo / s'ula*, ф. *suoli*, эст. *sool* ‘кишка’; ур. **kōle-* > мд. *kuloms / kuləms* ‘умирать’, ф. *kuolla*, эст. *koolma* ‘околоть (о животных)’; ур. **n'ōle-* > мд. *polams*, ф. *nuolla*, эст. *noolima* ‘лизать’. Пока не удалось выяснить причины разных корреспонденций финно-угорского **ō* в мордовских языках, так как гласные *o, a, u* встречаются в различном фонетическом окружении.

Переход ф.-у. **ō* в *ū* отмечается в эстонском языке: *tooma / tuua* ‘принести’, *loonud / luua* ‘создавать’, *joon / juua* ‘пить’. Следует отметить, что в южно-эстонских диалектах происходит чередование долгих гласных со сверхдолгими: *ē – ī (ī): kēle* ‘языка’ – *kīl* ‘язык’; *ō – ū (ū): lōma* ‘скота’ – *lūm* ‘скот’; *n – ū (ū): snnū* ‘съеденный’ – *sū* ‘ем’.

Ф.-у. **ū* > мд. *u*, ф., эст. *uu*. Долгий ф.-у. **ū* в прибалтийско-финских языках сохранился, в мордовских стал кратким. Такие основы единичны: ф.-у. **jūre* > мд. *jur*, ф. *juuri*, эст. *juur* ‘корень’; ф.-у. **kūse* > мд. *kuz*, ф. *kuusi*, эст. *kuusk* ‘ель’; ур. **kūle-* > мд. *kul'ems / kul'əms*, ф. *kuulla*, эст. *kuulma* ‘слышать’.

Заключение

Сравнительное описание звукового состава общих основ показывает, что в финском и эстонском языках гласные первого слога, за некоторым исключением, сохранились без изменения, в мордовских же в результате определенных фонетических процессов произошли изменения в каждом гласном, естественно, в разной степени.

Основные явления, преобразовавшие праязыковое состояние первого слога финно-угорских основ в мордовских языках, следующие.

1. Лабиализация гласных. В мордовских языках ее следует считать частичной, так как она охватила гласный **a* только в 15 основах из 89. В 10 случаях **a* преобразовался в *u* и в 5 – в *o*. Сделать какие-либо заключения относительно трансформации **a* в *u* не представляется возможным, так как переход произошел в разных позициях. Переход **a* в *o* наблюдается перед полугласными *j* и *v*.

2. Сужение гласных. Им были охвачены гласные **a*, **ä*, **e*, **o*. Финно-угорский **a* сузился перед гласными переднего ряда или между ними в 10 случаях: в 5 основах он трансформировался в *e*, в 5 – *i*. Гласный **ä* претерпел сужение в 18 основах из 46, главным образом в эрзянском языке и в отдельных случаях – в мокшанском. Следует отметить, что гласный **ä* зафиксирован преимущественно в именных основах, в глагольных – только в 4 случаях. Переход **ä* в *e* реализуется чаще перед полугласными *j*, *v* и согласным *ŋ*, реже перед мягкими парными согласными *t'*, *s'*, *l'*.

Трансформация **ä* в *i* в мордовских языках происходит в основном перед согласным *k* и полугласным *j* (в 15 основах из 46) и преобладает в мокшанском икающем говоре. Широкое распространение в мордовских языках получил переход **o* в *u* (в 27 из 53 основ). Данное явление в отдельных случаях встречается в финском и эстонском языках.

3. Расширение гласных. В мордовских языках расширению подверглись гласные **i*, **e*, **ï*, **u*. Переход **i* в *e* прои-

зошел в 12 основах из 26. В диалектах подобный процесс активнее – в них наряду с *e* вместо **i* выступает *ä*. Финно-угорские **ï* и **i* в большинстве случаев перешли в *e*. Расширение **e* в *ä* в основном характерно для диалектов мордовских языков. Особенно распространено расширение **u*: в 34 из 52 основ **u* перешел в *o*.

Изменение праязыкового состояния гласных первого слога в отдельных основах вызвано переходом долгих гласных **ī*, **ē*, **ū*, **ō* (**ā*) в краткие. Долгие **ī*, **ē*, **ū* перешли соответственно в краткие *i*, *e*, *u*. Гласный **ō* (**ǣ*) в одних случаях перешел в *a*, в других – в *o*, в третьих – в *u*. Несмотря на наличие указанных фонетических процессов, нет оснований говорить о кардинальном преобразовании праязыкового состояния гласных первого слога в мордовских языках. Отмеченные явления затронули почти все гласные, однако они не имели массового характера и отразились не на всех основах. Фронтальный анализ позволяет заключить, что гласные первого слога **a*, **ä*, **e*, **i*, **o*, **u* в половине основ сохранились в прежнем виде и имеют прямые соответствия в финском и эстонском языках. Например, гласный **a* сохранился в 64 из 89 общих основ; **ä* – в 22 из 46 в мокшанском языке; **e* в 23 из 43 общих основ; *i* – в 9 из 26; *o* – в 27 из 53; *u* – в 17 из 52.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>диал.</i> –	диалектный вариант
<i>домд.</i> –	домордовский язык
<i>доперм.</i> –	допермский язык
<i>и.-е. авест.</i> –	авестийский язык
<i>и.-е. санскр.</i> –	санскрит
<i>лив.</i> –	ливский язык
<i>лит.</i> –	литературный язык
<i>мд.</i> –	мордовские языки
<i>мд. м.</i> –	мордовский-мокша язык
<i>мд. м. диал.</i> –	диалект мордовского-мокша языка
<i>мд. э.</i> –	мордовский-эрзя язык
<i>общемд.</i> –	общемордовский язык
<i>прамд.</i> –	прамордовский язык
<i>ур.</i> –	уральский язык
<i>ф.</i> –	финский язык
<i>ф.-в.</i> –	финно-волжский язык
<i>ф.-п.</i> –	финно-пермский язык
<i>ф.-у.</i> –	финно-угорский язык
<i>эст.</i> –	эстонский язык
<i>эст. диал.</i> –	диалект эстонского языка

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алвре Р. О некоторых общих и отличительных чертах консонантизма в прибалтийско-финских и пермских языках // Вопросы финно-угроведения. Языкознание: тез. докл. XVI всесоюз. конф. финно-угроведов. Сыктывкар, 1979. С. 3.
2. Аристэ П. А. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития // Вопросы этнической истории эстонского народа: сб. ст. Таллин: Эстон. гос. изд-во, 1956. С. 5–48.
3. Галкин И. С. Финно-угорские языки // Русская речь. 1972. № 3. С. 107–114.
4. Ермушкин Г. И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (эрзя-мордовский язык). Москва: Наука, 1984. 142 с.
5. Лыткин В. И. О вокализме непервого слога финно-угорских языков // СФУ. 1970. № 4. С. 221–238.
6. Лыткин В. И. Сравнительная фонетика финно-угорских языков // В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, К. Редеи. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. Москва: Наука, 1974. С. 108–213.
7. Майтинская К. Е. К вопросу о проблеме волжско-финской языковой общности // В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, К. Редеи. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. Москва: Наука, 1974. С. 214–381.
8. Надькин Д. Т. Основа глагола в мордовских языках в аспекте финно-волжской общности // Финно-угристика. Саранск, 1979. Вып. 2. С. 81–103.
9. Серебренников Б. А. История мордовского народа по данным языка // Этногенез мордовского народа: материалы науч. сессии. 8–10 декабря 1964 года. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1965. С. 237–256.
10. Феоктистов А. П. Мордовские языки // Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки. Москва: Наука, 1975. С. 248–343.
11. Феоктистов А. П. Мордовские языки и диалекты // Вопросы этнической истории мордовского народа: тр. Мордов. этногр. экспедиции. Москва: Изд-во АН СССР, 1960. Вып. 1. С. 63–82.
12. Хайду П. Уральские языки и народы: пер. с венг. Москва: Прогресс, 1985. 429 с.
13. Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. Москва: Изд-во иностр. лит., 1953. 300 с.
14. Хелимский Е. А. Древнейшие угро-самодийские языковые связи (анализ некоторых аспектов генетических и ареальных взаимоотношений между уральскими языками): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1979. 32 с.
15. Alvre P. Uurali keelte ajaloolise foneetika harjutusülesanded ja materjalid. Väl. 1. Üksikkonsonandid. Tartu: Tartu Riiklik Ülikool, 1985. 110 с.
16. Alvre P. Uurali keelte ajaloolise foneetika harjutusülesanded ja materjalid. Väl. 2. Konsonantühendid. Tartu: Tartu Riiklik Ülikool, 1985. 116 с.
17. Berezcki G. Cseremisiz (mari) nyelvkönyv. Budapest: Tankönyvkiadó, 1974. 94 p.
18. Collinder B. Comparative Grammar of the Uralic Languages. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1960. 425 p.
19. Genetz A. Ensi tavun vokaalit suomen, lapin ja mordvan kaksi ja useampitavuisissa sanoissa // Suomi. Helsinki, 1896. Vol. 3, № 13. 56 s.
20. Häkkinen K. Johdatusta fenno-ugristiikkaan. Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen opintomonisteita 10. Turku, 1980. 83 s.
21. Itkonen E. Die Laut-und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache // UAJB. 1962. XXIV. C. 199–201.
22. Itkonen E. Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in dem finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen // Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki, 1946. Bd. 29, h. 1–3. P. 222–337.
23. Janhunen J. On the structure of Proto-Uralic // FUF. 1982. Bd. 44, h. 1–3.
24. Paasonen H. Beiträge zur finnisch-ugrisch-samojedischen Lautgeschichte. Budapest: Comité hongrois de l'Association Internationale pour l'Exploration de l'Asie Centrale et de l'Extrême – Orient 1916/17, 1916. 111 s.
25. Paasonen H. Mordwinische Lautlehre: akademische Abhandlung. Helsingfors: Societé Finno-Ougrienne, 1893. 123 s.
26. Setälä E. N. Yhteissuomalainen äännehistoria. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1899. 446 s.
27. Steinitz W. Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus // Acta Instituti Hungarici Universitatis Holmiensis Series B. Linguistica: 2. 1944. Vol. 98 (n.F. 23), № 3/4. P. 405–407.
28. Szinnyei J. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Leipzig: Walter De Gruyter, 1922. 133 p.

Поступила 31.05.2018, опубликована 24.12.2018

FEATURES OF THE EVOLUTION OF THE VOWELS OF THE FIRST SYLLABLE OF FINNO-UGRIC STEM IN THE MORDOVIAN LANGUAGES

Mihail V. Mosin,

*Doctor of Philology, Professor, Department of Finno-Ugric Philology,
Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia), finugor@rambler.ru*

Natalya M. Mosina,

*Doctor of Philology, Professor, Department of Finno-Ugric Philology,
Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia), natamish@rambler.ru*

The phonetic system is one of the most important aspects of the language. The study of the structure and features of this system allows tracing both the current state and the history of the development of a language.

The development of the phonetic structure of Finno-Ugric word stem in Mordovian languages is considered with the help of a comparative and historical method. The system of vowels of the first syllable in the words of modern Mordovian languages is compared with the reconstructed forms of the stem, which go back to the Finno-Ugric pro-linguistic unity (Uralic, Finno-Ugric, Finno-Permian and Finno-Volga) and their etymological correspondences in the Finnish and Estonian languages. The article presents an analysis of the evolution of vowels of the first syllable of the Finno-Ugric word in Mordovian (Moksha and Erzya) languages. On the basis of the achievements of modern Finno-Ugric studies, phonetic processes are observed in the field of vowels of the first syllable that transformed the primary basis of the word. The description of the features of the vocalism of the first syllable in Mordovian languages is carried out in terms of comparison with the reconstructed forms of the Finno-Ugric original language and comparison with etymological correspondences in the Finnish and Estonian languages. A comparative analysis of the vowel system of the first syllable of the Finno-Ugric word stem in modern Mordovian languages with their etymological correspondences in the Finnish and Estonian languages allowed us to detect phonetic processes that changed the structure of some languages. In some cases, these are minor changes, while in other cases, they are rather significant.

Key words: Mordovian languages; vowel; consonant; base language; Finnish language; Estonian language; etymology.

For citation: Mosin MV, Mosina NM. Features of the evolution of the vowels of the first syllable of Finno-Ugric stem in the Mordovian languages. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2018; 3: 53–63. (In Russian)

REFERENCES

1. Alvre R. On some common and distinctive features of the consonant system in the Finnish and Permian languages. *Voprosy finno-ugrovedeniia. Yazykoznanie* = Issues of Finno-Ugric studies. Linguistics. Syktyvkar; 1979: 3. (In Russian)
2. Ariste PA. Formation of the Baltic-Finnish languages and the oldest period of their development. *Voprosy etnicheskoi istorii ehstonskogo naroda: sb. st.* = Ethnic history of the Estonian people. Collection of articles. Tallin; 1956: 5–48. (In Russian)
3. Galkin IS. Finno-Ugric languages. *Russkaia rech'* = Russian speech. 1972; 3: 107–114. (In Russian)
4. Ermushkin GI. Areal studies on Eastern Finno-Ugric languages (Erzya-Mordovian language). Moskva; 1984. (In Russian)
5. Lytkin V. On the vocalism of not the first syllable of the Finno-Ugric languages. *SFU*. 1970; 4: 221–238. (In Russian)
6. Lytkin VI. Comparative phonetics of Finno-Ugric languages. *Osnovy finno-ugorskogo iazykoznaniiia. Voprosy proiskhozhdeniia i razvitiia finno-ugorskih iazykov* = Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Issues of origin and development of Finno-Ugric languages. Moskva; 1974: 108–213. (In Russian)
7. Majtinskaya KE. On the problem of the Volga-Finnish language community. *Osnovy finno-ugorskogo iazykoznaniiia. Voprosy proiskhozhdeniia i razvitiia finno-ugorskih iazykov* = Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Issues of origin and development of Finno-Ugric languages. Moskva; 1974. (In Russian)
8. Nad'kin DT. The basis of the verb in Mordovian, languages in the aspect of the Finno-Volga community. *Finno-ugristika* = Finno-Ugric studies. Saransk, 1979; 2: 81–103. (In Russian)

9. Serebrennikov BA. History of the Mordovian people according to the language. *Ehtnogenez mordovskogo naroda: materialy nauch. sessii. 8–10 dekabria 1964 goda* = The ethnogenesis of the mordvinic people. Proceedings of the scientific session. Saransk; 1965: 237–256. (In Russian)
10. Feoktistov AP. Mordovskie iazyki. [Mordovian languages]. *Osnovy finno-ugorskogo iazykoznanija. Pribaltiiskofinskije, saamskie i mordovskie iazyki* = Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Finnic, Saami and mordvinic languages. Moskva; 1975: 248–345. (In Russian)
11. Feoktistov AP. Mordovian languages and dialects. *Voprosy ehtnicheskoj istorii mordovskogo naroda* = Questions of ethnic history of the Mordovian people. Moskva; 1960: 63–82. (In Russian)
12. Hajdu P. Ural languages and peoples. Moskva; 1985. (In Russian)
13. Hakulinen L. Development and structure of the Finnish language. Phonetics and morphology. Moskva; 1953. (In Russian)
14. Helimskij EA. Ancient Ugro-Samoyedic linguistic ties (the analysis of some aspects of genetic and areal relationships between languages of the Ural). Abstract of dis. ... cand. of philol. sci. Tartu; 1979. (In Russian)
15. Alvre P. Uurali keelte ajaloolise foneetika harjutus-ülesanded ja materjalid. Tartu; 1985; 1. (In Estonian)
16. Alvre P. Uurali keelte ajaloolise foneetika harjutus-ülesanded ja materjalid. Tartu; 1985; 2. (In Estonian)
17. Berezcki G. Cseremis (mari) nyelvkönyv. Budapest; 1974. (In Hungarian)
18. Collinder B. Comparative Grammar of the Uralic Languages. Stockholm; 1960. (In English)
19. Genetz A. Ensi tavun vokaalit suomen, lapin ja mordvan kaksi ja useampitavuisissa sanoissa. *Eripainos aikakauskirjasta "Suomesta"*. Helsingissä; 1896; 3; 13. (In Finnish)
20. Häkkinen K. Johdatusa fenno-ugristiikkaan. Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen opintomonisteita 10. Turku; 1980. (In Finnish)
21. Itkonen E. Die Laut-und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache. *UJb*. 1962; 24: 199–201. (In German)
22. Itkonen E. Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in dem finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen. *FUF*; 1946; 29; 1–3: 222–237. (In German)
23. Janhunen J. On the structure of Proto-Uralic. *FUF*; 1982; 44; 1–3. (In English)
24. Paasonen H. Beiträge zur finnisch-ugrisch-samojedischen Lautgeschichte. Budapest; 1916. (In German)
25. Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. Helsingfors; 1893. (In German)
26. Setälä EN. Yhteissuomalainen äännehistoria. Helsinki; 1899. (In Finnish)
27. Steinitz W. Geschichte des finnisch-ugrischen Vocalismus. *Acta Instituti Hungarici Universitatis Holmiensis Series B. Linguistica*. Stockholm; 1944; 98 (23); 3/4: 405–407. (In German)
28. Szinnyei J. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Leipzig; 1922. (In German)

Submitted 31.05.2018, published 24.12.2018